

[ПО ПОВОДУ СМЕШЕНИЯ В НАУКЕ ТЕРМИНОВ «РАЗВИТИЕ» И «ПРОЦЕСС»]

Исследования о временах жизни человечества, предшествовавших древнейшим эпохам, от которых остались нам какие-нибудь письменные сведения, получили в последние десятилетия две черты, которые выставляются на первый план громадным большинством специалистов этой отрасли знаний, как новые и наиболее важные, имеющие такое преобладающее значение в деле понимания хода первобытной истории человечества, что все факты ее разъясняются ими и все ее построение в науке должно быть производимо сообразно с ними по даваемой ими норме, как и стараются производить его они.

Эти две преобладающие черты нынешнего направления исследований о первобытной истории человечества: изучение остатков человеческого быта тех времен и подведение всех фактов так называемого доисторического времени человеческой жизни, как и всех следующих исторических времен ее, как и всех фактов организации и жизни всех органических существ и даже геологической истории земного шара, даже астрономической истории солнечной системы и всей вселенной, под идею эволюции. Обе эти особенности нынешнего характера исследований о первобытной жизни человечества увлекают своею новизною тех специалистов, которым представляются новыми. Так бывает во всех и научных, и художественных, и житейских деятельности с людьми, усваивающими себе что-нибудь, по их мнению, новое и (тоже по их мнению) важное. Те две особенности нового направления исследований о первобытных временах жизни человечества, которым большинство специалистов по этой отрасли знаний придает значение новизны и преобладающую важность, имеют в обоих этих отношениях достоинство очень неодинаковое.

Термин «эволюция» вошел в употребление на памяти людей, которые теперь уже старики, но еще не самые старые из стариков: лет пятьдесят тому назад он был неупот-

ребителен. Из этого учения пристрастившиеся к нему заключают, что понятие, обозначаемое им, имеет совершенную новизну и произвело переворот в науке своим применением к разъяснению фактов. На самом деле это не совсем так. То понятие, которое выражается ныне словом эволюция, было давно привычно мыслителям прежних поколений, и новизна состоит только в том, что прежний термин, выражавший это понятие, отброшен, заменен другим.

С очень давнего времени существовало философское мировоззрение, основная мысль которого выражается по нынешней терминологии естественных наук словами очень простыми, хорошо понятными каждому образованному человеку: «все существующее находится в процессе изменения»; еще короче и точнее, но несколько абстрактнее и потому менее ясно для людей, мало привычных к абстрактному языку, выражается эта мысль словами: «существование есть процесс». Первым из греческих мыслителей, поставивших эту мысль в основной принцип разъяснения фактов внешней природы и человеческой жизни, называют обыкновенно Гераклита Эфесского, жившего за 500 лет до нашей эры. В то время научный язык былработан еще очень мало. Гераклит, сколько можно судить по малочисленным отрывкам его трактата, уцелевшим в цитатах следующих писателей, не нашел в греческом языке абстрактного слова, которым выражалось бы понятие «процесс», и взял для обозначения этого понятия слово, обозначающее один из конкретных видов процесса — горение; таким образом он выражал основную идею своего мировоззрения словами: «все существующее находится в горении». Если мы припомним, что нынешняя химия называет всякое окисление горением, то должны будем признать, что конкретный термин, взятый Гераклитом за недостатком абстрактного, выбран хорошо и даже в своем конкретном смысле, который один был понятен большинству, охватывает очень значительную часть перемен, происходящих в предметах. Менее определительно, но все-таки очень ясно ставили основной чертой своего мировоззрения понятие о процессе и предшествовавшие Гераклиту греческие мыслители, так называемые философы ионийской школы, начиная с первого же — Талеса, жившего за полтора столетия до Гераклита и обыкновенно называемого первым греческим философом. Все образованные люди помнят, что он считал все предметы произошедшими из воды. Понятно, что слово вода, имеющее конкретный смысл, употребляется у него лишь по недостатку в тог-

дашем языке слова, которым выражалось бы абстрактное понятие «жидкое состояние», как у Гераклита слово горение употребляется для выражения абстрактного понятия «процесс». Таким образом, по мировоззрению Талеса, все предметы, имеющие более или менее определенную форму, находящиеся в более или менее твердом состоянии, произошли процессом сгущения из жидкого состояния. Известно и то, что через столетие после Талеса, за половину столетия до Гераклита, один из преемников Талеса в авторитете главы ионийской школы Анаксимен проник в ход производящего определенные предметы процесса перемен дальше Талеса и нашел, что капельножидкое состояние лишь второй фазис его, а в первом материя имеет газообразное состояние. Он говорил, что все определенные предметы произошли из воздуха, употребляя, подобно Талесу и Гераклиту, слово, имеющее конкретный смысл, за недостатком слова, которым обозначалось бы абстрактное понятие — газообразное состояние¹

Вникнем в то, какие понятия об истории земного шара, в частности, и вообще всей солнечной системы необходимо развиваются из мысли, что все определенные предметы, следовательно, и земной шар, и солнце, и звезды произошли через сгущение вещества, находившегося в газообразном состоянии, и мы увидим, что мировоззрение Анаксимена совпадает существенным своим содержанием с теориею Лапласа о возникновении солнечной системы из туманного пятна. Присоединим к этому мысль Гераклита Эфесского, что не только прошедшее каждого предмета и всей совокупности предметов было процессом перемен, но и существование всего в настоящем тоже процесс и в будущем все существующее будет находиться в процессе изменений, и мы получим относительно будущности солнечной системы то представление, которое стало общепринятым у астрономов и других натуралистов нашего времени: возникнув из газообразного состояния, солнечная система непрерывно видоизменяется, и нынешнее ее состояние, при котором большая часть вещества, находящегося внутри ее пространства, составляет отдельные небесные тела, будет продолжаться не вечно, заменится другим состоянием, при котором не будет ни солнца, ни земли, ни других небесных тел ее. Все вещество их перейдет в другое состояние, снова газообразное, в каком находилось оно прежде.

Ныне принято говорить: системы греческих философов были метафизические, а метафизика — фантазерство, и Талес и Анаксимен, Гераклит были составителями ска-

зок. Так, но «Илиада», «Одиссея», народные эпосы немецких и славянских племен, «Гамлет» и «Отелло» Шекспира — все это сказки. Вопрос о научном достоинстве произведения еще не решается определением формы его. Бесспорно, «Илиада» — сказка, но если мы напишем ученый трактат о том, что рабство унижает человека, то мы едва ли будем правы в похвальбе, что открыли истину, бывшую неведомой до нашего трактата. Мы будем рассудительнее в восхищении своим трактатом, если припомним, что открытая нами истина уже была высказана в «Одиссее». Бесспорно, «Одиссея» — пустая, ничтожная сказка сравнительно с нашим мудрым трактатом, переполненным ученостью. Но, увы! безграмотные люди, из песней которых составлялась эта ничтожная сказка, знали 2500 лет до нас ту истину, которую открыли мы благодаря нашему гениальному глубокомыслию и нашей колоссальной учености.

Не лучше ли будет нам быть несколько поскромнее в похвалах себе за открытие неведомых до нас истин? Не лучше ли будет нам, прежде чем начнем восхвалять себя за наши открытия, навести справку, не потому ли только пришлось нам делать эти великие открытия, что мы при всей колоссальности нашей учености находились во время труда открывания великих истин в состоянии невежества, постыдного грамотным людям.

Со времен Гераклита Эфесского мысль о процессе, как форме всякого существования, оставалась основной идеей наиболее важных философских школ. С того времени, как стало заметно непрерывное улучшение умственной и материальной жизни человечества, к понятию о процессе в мыслях о жизни человечества присоединилось определение, что сущность процесса человеческой жизни состоит в непрерывном улучшении ее, что если некоторые стороны жизни того или другого из цивилизованных народов подвергаются, вследствие особенных неблагоприятных обстоятельств, временному ухудшению, то цивилизованная часть человечества, рассматриваемая как одно целое, все-таки непрерывно улучшает свою умственную и материальную жизнь, и что даже у того цивилизованного народа, у которого происходит временное ухудшение каких-нибудь сторон жизни, другие стороны ее непрерывно улучшаются. Это понятие о процессе жизни человечества, как о непрерывном улучшении, было обозначено термином «развитие», *developpement* — по-французски, по-английски — *development*, по-немецки — *Entwicklung*. Термин был выбран удачно; он действительно характеризовал со-

бой успех, улучшение, прогресс. Это его значение было давно привычно всем. Так, например, с незапамятных времен говорилось о ходе процесса, превращающем зерно в дерево, или почку в цветок, или яйцо птицы в птицу, что «зерно развивается в дерево, *se développe* или *est développé* по-французски, по-английски *develops*, по-немецки *entwickelt sich*, что почка развивается в цветок, яйцо птицы — в птицу. Чем были дурны эти выражения? Какая была надобность заменять термин «развитие» каким-нибудь другим? Ни малейшей надобности в том не было; но, разумеется, не было — для людей, знавших его. Совсем иное дело, когда человек, не знающий терминологии, приобретает понятие, для которого, правда, существует слово, соответствующее приобретаемому им понятию, но существует в книгах, неизвестных ему. Воображая новое для него понятие новым в науке, он по своему незнанию о существовании подобного ему термина должен собственными соображениями приискать термин для выражения своего понятия, кажущегося ему новым в науке. В латинском языке понятие «развитие» выражается словом *evolutio*. Это слово с соответствующими переменами письменной формы и произносимых звуков было с давнего времени употребительно в ученых книгах у французов, и у англичан, и у немцев: *évolution* по-французски, по-английски и по-немецки на письме то же самое, лишь с тою разницей, что над первой буквой нет ударения по неупотребительности этого знака в орфографии английского и немецкого языков — *evolution*. Замена привычного термина новым без всякой надобности должна быть названа делом лишним, потому дурным. Но вред от него невелик, когда он вносит в дело лишь то затруднение, что публике и специалистам надобно отвыкать от привычного слова, привыкать к новому. Так, например, не было бы важной беды в том, если бы какие-нибудь любители ненужных нововведений стали называть в ученых книгах собаку каном или канисом. Щеголяя знанием латинского, щеголяя знанием немецкого языка, лишь бы словом кан, или кант, или соединили они то самое, что на русском...²

...процесс существования дерева. Когда оно достигло наилучшего состояния, какое возможно по его природе при данных обстоятельствах, оно существует несколько времени, не улучшаясь и не портясь в заметной для нас степени. А между тем с ним происходят непрерывные перемены: в каждый суточный период совершается колебание деятельности жизненного процесса в нем, увеличиваясь до известного часа дня, понижаясь потом до известного часа

ночи; но средняя величина этих суточных наибольших и наименьших величин жизненной энергии остается приблизительно одинаковой; есть другие более продолжительные периоды перемен: одни листья увядают и падают, другие вырастают; но если это дерево принадлежит к разряду долговечных, если оно, например, сосна, липа, дуб, то в продолжение большого числа лет состояние дерева в определенное время года, например в июле, почти таково же, каким было год тому назад. Таким образом, цифры перемен, происходящие в этот период, оставляют дерево не улучшившимся и не испортившимся. После того начинается заметный упадок жизненных сил дерева. С каждым годом листьев на нем становится меньше, ветви его обламываются, не заменяясь новыми. Само оно сохнет, все становится хрупким или разъедается гниlostью, и дело кончается тем, что оно сламывается ветром или в наиболее благоприятном случае, уцелевая от порывов ветра, умирает на корню. Это конец его органической жизни, но еще не конец его существования в безжизненном состоянии: ствол и уцелевшие на стволе или лежащие отломанными от него сучья мало-помалу истлевают, вещество их переходит из органических соединений в газы и минеральную пыль.

Какие фазисы существования дерева обозначались в старину термином «развитие»? Только та часть ряда их, которая шла до наиболее совершенного состояния дерева. Только улучшающие перемены подходят под понятие развития. Этот смысл прежнего термина был ясен для всех, и ни один писатель, ученый ли, не ученый ли, не употреблял этого слова ни в каком ином смысле, если был человек грамотный.

Но был другой термин, охватывавший весь ряд перемен от первого передвижения протоплазмы в зародышевой клеточке зерна до разрушения последней частички органического вещества в последней уцелевшей мертвой клеточке груды праха умершего дерева. Этим термином служило слово «процесс»; оно обнимало своим значением все разряды перемен: улучшающие, индифферентные и портящие перемены. Это понятие гораздо более широкого объема, чем понятие об улучшающих переменах, обозначавшееся термином «развитие».

Что выйдет, если мы будем употреблять один термин то для обозначения только улучшений, то в более широком смысле, охватывающем всякие перемены, как улучшающие, так и портящие предмет? Выйдет путаница мыслей, в которой дурное будет выставляться хорошим. Так по-

ступают школа, ученые, воображившие, что термин «эволюция» обозначает понятие, неведомое их предшественникам, употреблявшим термин «развитие», и что это мнение новое понятие разъясняет всю историю всех перемен в существовании всего на свете.

Слово эволюция для каждого грамотного француза или немца заключает в себе неизглаголанную из головы никакими усилиями воли мысль об улучшении, усовершенствовании; оно на всех этих языках одинаково по смыслу со словом развитие — *developpement*, *development*, *Entwicklung*; а между тем оно употребляется этими учеными для обозначения всего ряда перемен в существовании предмета от возникновения до исчезновения его, то есть для обозначения не одних улучшений, но и ухудшений, не для обозначения, например, только того периода жизни дерева, который идет от начала прорастания зерна до достижения деревом наилучшего состояния, но обозначает и вторую, ухудшающуюся часть существования дерева, когда период ослабления жизненных сил дерева и заключает в себе все перемены, производящие смерть дерева, и все перемены с безжизненным веществом умершего дерева до окончательного разложения праха его на минеральную пыль и газы. К чему ведет такое спутывание двух совершенно различных понятий под одним термином? К тому же самому, что произошло бы в наших арифметических соображениях, если бы мы перепутали понятия о сложении и вычитании и всякую убыль стали считать прибылью.

Понятия о развитии и о существовании не одно и то же; в старину помнили это и, обозначая ряд улучшающих перемен термином «развитие», употребляли другой термин для обозначения всей суммы перемен, происходящих с предметом и состоящих кроме перемен улучшающих из перемен безразличных в смысле улучшения или ухудшения и перемен ухудшающих; это понятие о всей сумме перемен обозначалось термином «процесс» или равносильным ему выражением «история существования предмета».

Ученые в своем восхищении новоизобретенным термином «эволюция», забывающие о термине «процесс» и заменяющие его все тем же термином «эволюция», неудержимо вовлекаются в стремление подводить всякую переменную под мысль об улучшении, неотвратимо возбуждаемую термином «эволюция». Это в сущности исключение из науки понятия о процессе и замена его понятием прогресса. Зерно вырастает в дерево, — это «эволюция»; дерево сохнет, погибает, — это также «эволюция», то есть также развитие, также улучшение, также прогресс в существо-

вании дерева, и ученые, пишущие такую путаницу мыслей, воображают, что наука совершенствуется ею, что, собственно говоря, науки и не было до изобретения этой путаницы, что наука создана, собственно, ею. Прогресс науки действительно в совершенно новом вкусе.

Они и гордятся тем, что создают науку в совершенно новом вкусе. Счастливыцы они, и нельзя было бы не радоваться на их счастье, если б оно не было пустой мечтой, возбуждающей сострадание к их фантастическому состоянию мыслей, как возбуждает жалость в доброжелательных людях всякое галлюцинационное состояние мыслей собратий их по человечеству, поющих, хлопающих в ладоши, пляшущих на воображаемых балах, на которых играют они первые роли в своем болезненном восхищении, между тем как на самом деле находятся в грязной, тесной, темной комнате, покрытые лохмотьями, полуголодные и запертые на ключ.

Подведение всяких перемен — и хороших, и безразличных, и дурных — под понятие улучшения дело очень не новое. Новоизобретенная эволюционная теория нова только тем, что заменяет понятие о процессе новым термином для обозначения понятия об улучшении. В старину точно такая же путаница производилась подведением всяких перемен под понятие о прогрессе; нова замена термина «процесс» термином «эволюция», но точно то же делалось прежде через замену термина «процесс» термином «прогресс».

Выросло прекрасное дерево; буря сломала его. Это отрадный факт; жил счастливо народ, трудолюбивый, честный и довольно просвещенный, стремившийся улучшить свое материальное благосостояние, придать более справедливый и гуманный характер своим семейным и общественным отношениям; пришли свирепые варвары, опустошили страну этого народа, истребили большую часть составлявших его людей, сделались владыками над малочисленным уцелевшим остатком его, стали приучать несчастных поработенных к своим варварским обычаям — это отрадный факт, это перемена к лучшему в истории человечества, это — прогресс³. Кто из нас имеет теперь такие лета, что читывал ученые книги до появления новоизобретенной науки, подводящей все под новый термин «эволюция», тот помнит, что и до появления трактатов в новоизобретенном вкусе он читал книги, написанные в том же самом вкусе, различавшиеся от многих только тем, что в них употреблялся термин «прогресс» на тех строках, на которых пишется ныне термин «эволюция».